

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
О ПРИРОДЕ БОГОВ
MARCI TULLII CICERONIS
DE NATURA DEORUM

Перевод и комментарии *Т. А. Лапиной*

Под редакцией *В. И. Кузицина*

(77) Итак, посмотрим, каково первое положение. Ведь мне кажется, что вы, словно по праву, ухватились за вещь, совершенно неправдоподобную ⁸³. Вообще, кто при рассмотрении вопросов был когда-либо настолько слеп, чтобы не видеть, что эту пресловутую человеческую внешность приписали богам или проницательные мудрецы, дабы отвратить души невежд от пороков и обратить их к почитанию богов, или же суеверная толпа, которой хотелось иметь изображения богов и верить, что, молясь этим изображениям, они обращаются к самим богам? Этому же содействовали поэты, художники, скульпторы. Ведь редко можно увидеть, чтобы богов, занятых каким-либо делом, изображали с другой внешностью [кроме человеческой]. Этому мнения придерживались, возможно, еще и потому, что нет для человека ничего прекраснее человека. Но ты не видишь, физик, что за вкрадчивая сводня и обольстительница твоя собственная природа! Не думаешь ли ты, что есть на земле или на море какое-нибудь чудище, которое не восхищалось бы больше всего чудищем своей породы? Ведь иначе бык радовался бы прикосновению лошади, а конь — коровы? Или ты считаешь, что лев или орел, или дельфин предпочитают какую-нибудь наружность своей собственной? Поэтому стоит ли удивляться, что и человека природа наделила такими же чувствами? И для него нет существа прекраснее человека же; вот почему мы и представляем себе богов схожими с людьми.

⁸³ Юридический термин. Имеется в виду обычай налагать руку на спорную вещь.

(78) Как ты полагаешь, будь у зверей разум, разве не стремились бы они наделить наилучшими качествами каждый свой собственный род ⁸⁴? (XXVIII) И, клянусь Геркулесом, хотя и я люблю самого себя, но, право, не посмею сказать, что я прекрасней, чем был тот бык, который нес Европу. Ведь сейчас мы обсуждаем не наш ум и способности, а облик и внешность. Поэтому, если бы мы захотели соединить в своем воображении различные формы, ты бы сам, конечно, не пожелал бы, чтобы это существо было таким, как изображают знаменитого морского Тритона, т. е. соединяющим облик водяных чудищ с человеческим телом. Я в трудном положении. Ведь эту божественную силу природы люди признают только в человеческом облике. (79) А муравей, со своей стороны, в муравьином. Однако в образе какого человека? Многие ли прекрасны? Когда я был в Афинах, из толпы эфэбов едва можно было найти несколько красавцев. Я вижу, ты смеешься, но дело обстоит именно так. И затем, раз мы, с разрешения древних философов, восхищаемся юношами, часто нам милы даже их недостатки. Родинка на коже мальчика восхищала Алкея ⁸⁵. А ведь родинка — это пятнышко на теле. Но ему она казалась светом. Кв. Катул ⁸⁶, отец нашего коллеги и приятеля, высоко чтит твоего земляка Росция ⁸⁷; у Катула есть даже такие стихи о Росции: «Как-то я приветствовал восходящую Аврору; внезапно слева от меня взошел на сцену Росций. О, простите меня, небожители: смертный показался мне прекрасней бога». Для него Росций прекрасней бога, а ведь он был тогда, как и поныне, совершенно косым. Что из того — это самое показалось ему очаровательным и милым. Но возвращаюсь к богам.

(XXIX, 80) Не считать ли нам, что некоторые если уж и не совершенно кривые, то хотя бы слегка косят? Неужели же у них родинки? Неужели же некоторые курносы, вислоухи, лобасты, головасты, как мы? Или же у них все безукоризненно? Вы будете утверждать именно это. Неужели же у них одинаковая наружность? Ведь если это не так, то один должен быть прекрасней другого. Итак, кто-то из богов не самый прекрасный. Если же все одинаковы — на небесах должна процветать Академия ⁸⁸. Ведь если ничто не различает богов между собой, боги не могут ни узнавать, ни постигать друг друга. (81) А что если и вообще ложь, Веллей, что при размышлении о боге нам не являлось никакого другого образа, кроме человеческого? Не будешь же ты защищать столь нелепое утверждение? Намто, пожалуй, божество и является именно таким, как ты говоришь. Ведь с детства мы знаем Юпитера, Нептуна, Вулкана, Аполлона и остальных богов с такими лицами, как пожелали изобразить нам их художники и ваятели, и не только с определенными лицами, но с определенными украшениями, в определенном платье, определенного возраста. Но не то у египтян или сирийцев и почти всех варваров: смотри же — почитание некоторых животных у них сильнее, чем у нас почитание священнейших храмов и изображений богов. (82) Ибо много храмов, как мы видим, разграблено, и изображения богов вывезены нами из священнейших мест. Но мы не услышим, чтобы египтянин даже словом оскорбил крокодила, ибиса или кошку. Итак, что ты об этом думаешь? А знаменитого Аписа, египетского быка, разве египтяне не почитают как бога? Точно так же, клянусь Геркулесом, как ты вашу Соспиту ⁸⁹, которую ты даже во сне не увидишь иначе

⁸⁴ Те же мысли еще у Ксенофана Колофанского (*Clem. Alex.*, Strom. V, 109—110).

⁸⁵ Это стихотворение Алкея до нас не дошло.

⁸⁶ Кв. Лутаций, консул 109 г. до н. э. присужденный Г. Марием к смерти в 87 г., см. III, 22, 80. Сын его, Кв. Лутаций, консул 78 г. Умер в 65 г. Оптимат, друг Цицерона.

⁸⁷ Кв. Росций — знаменитейший актер того времени. Он, как и Веллей, родом из Ланувия (*Div.* I, 36, 79).

⁸⁸ Новая Академия, представители которой, по их утверждению, ничего не знали.

⁸⁹ Юнона-Спасительница, культ которой был распространен в Ланувии (*Liv.*, XXII, 1; VIII, 14). В храме ее откармливались священные змеи (*Cic.*, *Div.* I, 79; II, 66; *Prop.* IV, 8, 1—14).

как в козьей шкуре, с копьём и маленьким щитом и в башмаках с загнутыми назад носками. Но не такова Юнона Аргивская или Римская. Итак, один облик у Юноны Аргивской, другой у Ланувийской, третий у нашей. И точно так же один облик у нашего Юпитера Капитолийского, другой у Африканского Юпитера — Аммона. (XXX, 83) И разве не позор для физика, т. е. исследователя и наблюдателя природы, искать свидетельств истины в людских душах, буквально пропитанных привычкой? Ведь так можно сказать, что Юпитер обязательно бородат, а Аполлон безбород, что у Минервы глаза серые, а у Нептуна синие. В Афинах мы восхищались Вулканом, которого изваял Алкамен; он изображен стоя, на нем одежда, и чуть заметная хромота его не обезображивает. Итак, мы должны считать бога хромым, ведь нам известно, что Вулкан хром. Не скажешь ли, что мы заставляем богов жить под теми же именами, которыми мы их называем? (84) Но, во-первых, сколько на свете языков, столько и имен. Ведь нет того, Веллей, чтоб куда бы ты ни приходил, всюду, в Испании ли, в Италии, был один и тот же Вулкан. Затем, число имен невелико даже в наших понтификальных книгах⁹⁰, богов же — бесчисленное множество. Или они без имен? Ведь вам нужно рассуждать именно так, да и какое имеет значение количество имен, раз облик один? Насколько лучше было бы, Веллей, признаться, что ты этого не знаешь, — ты ведь этого действительно не знаешь, — чем говорить весь этот отвратительный вздор, который не удовлетворяет даже тебя самого! Или ты думаешь, что бог похож на меня или на тебя? Наверняка, не думаешь. Итак, что же? Почему бы мне не сказать, что солнце или луна, или небо — боги? Следовательно, и они также блаженны? Вкушая какие наслаждения? Или мудры? Но как может мудрость обретаться в такой оболочке? Так говорите вы. (85) Итак, раз у богов облик не человеческий, как я показал, но и не какой-либо другой, как ты убежден, почему ты боишься сказать, что их вообще нет? Не смеешь. Благоразумно, даже если ты тут опасаясь не народа, а самих богов. Мне известно, что эпикурейцы поклоняются всем божкам; хотя некоторые, я знаю, считают, что Эпикур оставлял богов на словах, боясь негодования афинян, но на деле их уничтожал. Среди его избранных кратких высказываний, которые вы называете *хиріас δοξας* (главные мысли)⁹¹, вот, кажется, первое: «То, что блаженно и вечно, и само не знает никаких забот, и другому их не причиняет».

(XXXI) Находятся люди, которые, основываясь на сформулированном таким образом положении, считают, что Эпикур с умыслом сказал так двусмысленно, но это произошло из-за неумения ясно выражаться. Право, они плохо думают об этом совершенно не искусном человеке⁹². (86) Ведь возникло сомнение — говорит ли он, что существует нечто блаженное и вечное, или, если оно существует, то обладает этими свойствами. При этом не замечают, что если здесь он и говорит двусмысленно, то во многих других местах и он, и Метродор высказываются так же ясно, как ты сейчас. Он действительно считал, что боги есть, и я не знаю никого, кто больше Эпикура трепетал от тех вещей, которых, по его словам, бояться не надо. Я имею в виду смерть и богов. Обычные люди не так их боятся, хотя Эпикур и кричит, что мысль о них сковала ужасом умы всех смертных. Столько тысяч разбойничают под угрозой смерти, другие же грабят все святилища, какие только могут. Уж, конечно, одни боятся смерти, другие богов!

(87) Но раз ты смеешь (я ведь буду дальше говорить с самим Эпикуром) отрицать, что боги существуют, почему бы тебе не ввести в число богов солнце, мир или некий вечный разум? «Я никогда не видел, — говорит

⁹⁰ То есть в Индигитаменте, содержащей список всех римских богов (*Serv., ad. Verg. Georg. 1, 21*).

⁹¹ См. прим. 57.

⁹² «Ведь Эпикур во многом уличается как человек невежественный и не умеющий даже говорить чистым языком в повседневных разговорах» (*Sext. Emp., adv. math. 1, 1*).

он, — душу, причастную разуму и здравому смыслу, в каком-нибудь другом облике, кроме человеческого». Да неужели же ты видел что-нибудь подобное солнцу, луне или пяти блуждающим звездам⁹³? Солнце совершает свой годичный путь, ограничив свое движение двумя противоположными точками одного круга; то же странствие в месячный промежуток совершает освещенная его же лучами луна; пять же звезд, двигаясь по тому же кругу, проходят то же пространство, от тех же начальных точек, но за разное время, одни ближе к земле, другие дальше. (88) Разве ты видел что-нибудь подобное этому, Эпикур? Значит, нет ни солнца, ни луны, ни звезд, раз нет ничего, чего мы не можем пощупать или увидеть. Что же дальше? Да разве ты видишь самого бога? Почему же ты веришь, что он есть? Итак, давайте уничтожим все новое, что принесет нам история или разум. Так получится, что живущие в глубине страны не поверят, что есть море. Что это за ужасная душевная узость? Значит, если бы ты родился на Серифе и никогда не покидал этого острова, где видел бы часто зайчиков и лисичек, то ты не поверил бы, что есть на свете львы и пантеры, когда тебе стали бы их описывать. А уж если бы кто-нибудь рассказал тебе о слоне, ты решил бы, что над тобой смеются. (89) Ты, Веллей, не по вашему обычаю, а по обычаю диалектиков выводишь заключения из доказательства, что совершенно чуждо вашей школе. Ты утверждаешь, что боги блаженны. Допустим. «Но никто не может быть блажен без добродетели». (XXXII) Это мы также признаем и притом охотно. «Добродетель же не может существовать без разума». Нужно признать и это. И ты добавляешь: и нет разума, кроме как в человеческом облике. Ну кто же с этим согласится, как ты думаешь? Ведь будь это правдой, тебе не нужно было бы доходить до этого с помощью такого многоступенчатого построения. Ты утверждал бы это с полным правом. Зачем же эта многоступенчатость? Ведь я вижу, как ты постепенно спустился от блаженства к добродетели, от добродетели к разуму; но как ты перескочил от разума к человеческому облику? Это уж значит свалиться, а не спуститься. (90) Я, однако, не понимаю, почему Эпикур предпочитает говорить, что боги подобны людям, а не люди богам. Ты спросишь, какая разница; ведь если эта вещь подобна той, значит и та подобна этой. Знаю, но я утверждаю, что внешний облик не от людей перешел к богам; боги ведь были всегда, никогда не были рождены, так как пребудут вечно. А вот люди, те рождаются. Итак, в человеческом облике прежде людей пребывали бессмертные боги. Значит, не их облик надо называть человеческим, а наш — божественным. Но, впрочем, это, как хотите; я спрашиваю вот о чем: что это за счастливая случайность (вы ведь хотите, чтобы в природе вещей ничего не происходило по воле разума); что это за стечение обстоятельств? (91) Откуда такое удачное столкновение атомов, что люди вдруг родились с внешностью богов? Я думаю, уж не семена ли богов пали с неба на землю, так что люди выросли похожими на родителей? Хотелось бы услышать твой ответ. Я бы не отказался от родства с богами. Но ничего такого ты не говоришь, ты утверждаешь, что мы случайно подобны богам. А теперь нужно ли спрашивать об аргументах, которыми все это можно опровергнуть? О, если бы я так же легко мог отыскать истину, как раскрыть ложь. (XXXIII) Итак, ты перечислил нам по памяти мнения о природе богов всех философов, начиная с Фалеса Милетского, так обстоятельно, что я глубоко восхищался такой ученостью в римлянина. (92) И вот все, кто полагал, что боги могут существовать без рук и без ног, по твоим словам, бредят. И вас, когда вы об этом думаете, не смущает вопрос, какая богам польза, какой толк в человеческих членах, если, как вы установили, они в них не нуждаются? Зачем нужны ноги без движения? К чему руки, если ничего не нужно брать? Зачем все остальные части тела, где нет ничего лишнего, ни-

⁹³ Котта имеет в виду не видимые солнце и звезды, а их пути, вычисленные астрономами.

чего созданного без основания, ничего бесполезного? Ведь потому-то никакое искусство не может подражать изобретательности природы. Значит, бог будет иметь язык и не заговорит; ему бесполезны зубы, небо, горло, да и те члены, которые природа придала телу для деторождения, даны богу напрасно. И к внутренним частям тела это рассуждение относится не меньше, чем к внешним: сердце, легкие, печень и остальные органы ему не нужны, а уж какая в них прелесть? Вы ведь хотите, чтобы все члены у бога были для красоты. (93) Не на этот ли бред полагались эпикурейцы, когда не только Эпикур, Метродор и Гермарх⁹⁴ выступали против Пифагора, Платона и Эмпедокла, но даже потаскушка Леонтиночка⁹⁵ осмелилась писать против Феофраста? Пусть она и владела аттической речью, но все же! Такова была распущенность садов Эпикура. И вы еще постоянно жалуетесь? А Зенон⁹⁶ даже подал в суд. Что сказать об Альбуции⁹⁷? Ведь не было никого изящней, никого вежливей Федра⁹⁸. Но старик негодовал, если я говорил что-то резкое, читая, как Эпикур поносил самым оскорбительным образом Аристотеля⁹⁹, отвратительно злословил о сократике Федоне, а на Тимократа, брата своего приятеля Метродора (не знаю, что разделяло их в философии), обрушился целыми томами¹⁰⁰. Даже самому Демокриту¹⁰¹, которому он следовал, Эпикур не был благодарен, а с Навсифаном¹⁰², своим наставником, от которого немалому научился, он поступил очень дурно. (XXXIV) А Зенон извил злословием не только тех, кто жил в его время, Аполлодора, Сила¹⁰³ и других, но про самого Сократа, отца философии, говорил, что он был, пользуясь латинским словом, аттическим шутом; Хрисиппа же именовал не иначе, как Хрисиппой. (94) Ты сам, когда немного ранее как бы оглашал список сената философов, говорил, что эти величайшие мужи безумствуют, бредят, что они помешаны. А уж если из них никто не знал правды о природе богов, боюсь, что их вообще не существует. Ведь то, что говорите вы, все выдумки, едва ли достойные бабьих рассказней за прялкой. Вы ведь и не подозреваете, сколько вещей придется вам допустить, если вы заставите нас признать, что у людей и у богов одинаковый облик. Бог должен будет так же заботиться о теле, так же за ним ухаживать, как и человек. Итак, боги двигаются, бегают, лежат, нагибаются, сидят, действуют руками; наконец, у них есть даже язык и речь. (95) А раз вы говорите, что есть боги — мужчины и женщины, вы можете догадаться, что из этого следует. Я, со своей стороны, не могу достаточно надивиться, как это ваш знаменитый основатель пришел к таким взглядам. Но вы без конца кричите: «Необходимо сохранить принцип, что бог блажен и бессмертен». Что же мешает быть менее блаженным тому, кто не двуног? Если это блаженство (или нужно говорить блаженность; и то и другое вообще звучит грубо, но слова должны у нас смягчаться от употребления), так вот, если это бла-

⁹⁴ Гермарх из Митилены, ученик Эпикура, после его смерти привявший руководство школой (*Diog. Laert.*, X, 15), «способнейший человек» (*ibid.*, X, 25). Согласно Диогену, он написал 22 книги «Писем об Эмпедокле», «Против Платона». Но вместо сочинения против Пифагора Диоген называет «Против Аристотеля» (*ibid.*, X, 25).

⁹⁵ Леонтия или, как ее обычно называют, Леонтион — аттическая гетера, подруга Эпикура, затем Метродора (*Diog. Laert.*, X, 4—7, 23), оставившая ради философии свое ремесло.

⁹⁶ Эпикуреец — см. I, 21, 59.

⁹⁷ Т. Альбуций, претор 107 г. до н. э. «Учился у греков и сам был почти совершеннейшим греком» (*Cic.*, *Vrut.* 35). Высмеивался Луцилием (*De fin.* I, 3, 9).

⁹⁸ Имеется в виду глава школы эпикурейцев, друг Цицерона, «честный, приятный и образованный человек» (*Fam.* XIII, 1, 2).

⁹⁹ Согласно Диогену, он называл Аристотеля «мотом, который прожил отцово добро и пошел наемничать и морочить людей» (X, 8).

¹⁰⁰ Тимократ обрушивался на Эпикура, обвиняя его в диком разврате, чревоугодии и невежестве (*Diog. Laert.*, X, 6—7). А у Эпикура в свою очередь была против него книга «Тимократ» (*ibid.*, X, 23).

¹⁰¹ О том, что Эпикур бранил Демокрита, см. *Diog. Laert.*, X, 5.

¹⁰² См. I, 26, 73 и прим. 81.

¹⁰³ Эти философы ближе не известны.

женство есть, каково бы оно ни было, почему им не может обладать солнце или мир, или некий вечный разум, лишенный облика и членов тела? (96) Ты только и можешь ответить: «Никогда не видал я солнца или мира блаженным». Да разве ты когда-нибудь видел мир, кроме нашего? Ты не будешь такое утверждать. Так как же ты отважился утверждать, что число миров бесконечно, а их не 600 тысяч. — «Разум научил». — А этому разум тебя, стало быть, не научил, что раз мы исследуем совершеннейшую природу, которая блаженна и вечна, и одна может быть природой божества, значит, она превосходит нас как своим бессмертием, так и духовным совершенством, а раз духовным, значит и телесным? Так почему же мы в остальных отношениях ниже, а вот внешностью равны богам? Ведь человек уподобляется богам скорее доблестью, чем внешней оболочкой. (XXV, 97) И разве не по-детски будет звучать (я и дальше собираюсь атаковать это же положение), если мы станем отрицать существование чудовищ, которых рождает Красное море или Индия? Однако даже не очень любопытные люди могут из распросов узнать о всех них, сколько их ни есть, обитающих на земле, в море, болотах и реках! И мы будем их отрицать, так как никогда не видели? А сходство, которое вас так восхищает, вещь совсем не существенная! Да разве собака не похожа на волка? И как говорит Эний: «О, как похожа на нас обезьяна, отвратительнейшая тварь!», но характер у обоих различен. Из животных нет смышленней слона, а кто более неуклюж? (98) Я говорю о зверях, к чему? Да разве среди людей не встречается совершенно разный характер при удивительно внешнем сходстве, а при необычайном сходстве характера абсолютно не схожая внешность. И раз уж мы, Веллей, выбрали этот род доказательств, гляди, куда он нас приведет. Ты ведь утверждаешь, что разум не может быть нигде, кроме как в человеческом облике, иначе говоря, только у существа, которое живет на земле, которое родилось, выросло, училось, которое состоит из души и слабого бренного тела, т. е. только в человеке и притом в смертном. Поэтому если ты не согласен со всем этим, отчего же тебя смущает только внешность? Ведь все свойства, которые я перечислил, как ты видел, связаны у человека с умом и рассудком. Но ты, по собственным словам, признаешь бога, лишив его всех этих атрибутов, оставив только внешние очертания. Это уж значит выбирать аргументы не разумом, а как бы случайным броском жребия. (99) Неужели ты даже не замечаешь, что не только человеку, но даже дереву мешает все бесполезное, ненужное. Как тяжело было бы иметь одним пальцем больше! Почему так? А потому, что нашим пяти пальцам еще один не даст ни красоты, ни пользы. Твой же бог буквально перегружен не то что одним пальцем, но головой, шеей, затылком, боками, животом, спиной, коленями, руками, ногами, бедрами, икрами. Раз он бессмертен, к чему ему все эти части тела? Зачем эта внешность? Более того, мозг, сердце, легкие, печень? Ведь все это средоточие жизни. Черты же лица не имеют никакого отношения к жизненной силе. (XXXVI, 100) И ты хулил тех, которые, видя великолепные и прекрасные создания: сам мир, его члены — небо, землю, море и их украшения — солнце, луну, звезды, и замечая периодичность чередования и смены времен, предполагают, что есть некая самая совершенная и превосходящая все природа, которая все это создала, приводит в движение, управляет всем и руководит. Даже если они ошибаются в своих догадках, я понимаю все же, на чем они основываются. А какое ты в конце концов видишь великолепное и исключительное создание, кажущееся произведением божественного разума, глядя на которое ты догадываешься, что боги есть? «Я имел в душе, — говоришь ты, — некое врожденное представление о боге». Это о бородатом-то Юпитере и шлемоносной Минерве; да разве ты думаешь, что они таковы? (101) Насколько лучше мнение невежественной толпы, которая не только приписывает богу человеческие члены, но также соответствующее их употребление. Ведь они наделяют богов луком, стрелами, копьём, щитом, трезубцем, молнией. И ес-

ли они и не знают, какая деятельность свойственна богам, то, во всяком случае, не могут себе представить бога, который бы ничего не делал. Те самые египтяне, над которыми смеются, ни обожествили ни одного зверя иначе, как из-за некоторой пользы, которую от него получают. Так, ибисы уничтожают неимоверное количество змей — ведь это птицы крупные, с крепкими голеньями и длинным роговым клювом. Они отводят смерть от Египта, когда африканский ветер несет крылатых змей из Ливийской пустыни, ибисы убивают их и поедают, так что живые змеи не вредят людям своими укусами, а мертвые — своим зловонием¹⁰⁴. Я мог бы рассказать о пользе ихневмонов, крокодилов, кошек, но боюсь быть слишком многословным. Итак, я делаю вывод, что даже звери обожествляются варварами за благодеяния, от ваших же богов не дожدهшься не только благодеяний, но и вообще деяний. (102) Бог не имеет никаких забот, говорит Эпикур. Действительно, Эпикур, как избалованные мальчишки, не может вообразить ничего лучше безделья. (XXXVII) Но и сами эти мальчишки, хоть и бездельничают, все-таки развлекаются какими-нибудь забавами. Бога же мы хотим представить настолько застывшим в покое, что шевельнись он только, мы уж боимся, сможет ли он теперь быть блаженным. Это утверждение не только отнимает у богов божественные действия и движения, но из людей делает бездельников: ведь даже бог, если что-то делает, не может быть блаженным.

(103) Вы, очевидно, хотите, чтобы бог был образом и подобием человека; что же служит ему обиталищем, каково жилище? Как он живет? И почему он блажен, чего вам так хочется? Ведь тот, кто блажен, должен наслаждаться какими-то благами. При этом даже у неодушевленных предметов есть определенное собственное место в природе: земля занимает самый низ, ее затопляет вода, выше — слой воздуха, на самом краю пространства — эфирные огни. А из зверей одни земные, другие водяные, часть же как бы двойственной природы, живут в обеих стихиях. Есть даже некоторые звери, которые, как полагают, рождены в огне, и часто видно, как они мечутся в пылающих печах¹⁰⁵. (104) Итак, я спрашиваю, вопервых, где обитает ваш бог; затем, почему он двигается с места на место, если только он когда-либо двигается; далее, для всех живых существ характерно, что они к чему-нибудь стремятся, это свойственно природе; так вот, к чему стремится бог, для чего же пользуется он работой мысли и разума; и в заключение, по какой причине он блажен и по какой вечен? Ведь к какому бы из этих вопросов ты ни приступил, ты коснешься больного места. Столь плохо обоснованное учение не способно выпутаться из затруднений. (105) Ты ведь сказал, что божественный облик постигается размышлением, а не чувством, в нем нет никакой плотности, он не остается постоянным по отношению к числу, и образ его таков, что познается путем уподобления и перемещения; и никогда не прекращается приток подобных образов, состоящих из бесконечного числа тел; вот почему происходит, что когда мы направляем нашу мысль на это явление, то постигаем пресловутую блаженную и вечную природу¹⁰⁶. (XXXVIII) Но ради самих богов, о которых мы говорим, что это такое? Если боги годятся только для умозрений и нет у них никакой плотности, никакой осязаемости, какое имеет значение, о гипокентавре или о боге мы размышляем? Ведь всякое представление, которое другие философы называют бесплотным душевным движением, вы зовете возникновением и проникновением образа в наши души. (106) Так, когда мне кажется, что я вижу в Капитолии

¹⁰⁴ Herod., II, 75—76. См. также *Amm. Marc.*, XXII, 15, 26; *Aelian.*, Н. Ап. II, 38.

¹⁰⁵ «Огонь, который все пожирает, в то же время и порождает нечто, хотя это и может показаться неправдоподобным, однако это правда, что живые существа рождаются в огне» (*Sen.*, *Quaest. nat.* V, 6). «На Кипре в медных печах из середины огня вылетает крылатое четвероногое величиной с большую муху; оно называется пирравста. Пока оно находится в огне, оно живет; когда же вылетает немного далее, то погибает» (*Plin.*, N. H. XI, 36).

¹⁰⁶ См. I, 18—19, 49.

Ти. Гракха, публично предлагающего поставить на голосование вопрос о полномочиях М. Октавия¹⁰⁷, я говорю, что это бесплотное душевное движение, ты же — что образы Гракха и Октавия пребывают там до сих пор и когда я прохожу по Капитолию, они устремляются в мою душу. Так же происходит и с богом, образ которого часто волнует нам душу, из этого делается вывод, что боги блаженны и вечны. (107) Пусть образы, которые волнуют души, существуют; по крайней мере, пусть у нас действительно возникает какой-то облик, но почему он блажен, почему вечен? Каковы же эти ваши образы и откуда? По Демокриту, все это происходит от свободного движения атомов, но и его смущало многое, и вы не находите выхода, так что все это учение шатко и вообще хромает. Разве не очевидно, что образы Гомера, Архилоха, Ромула, Нумы, Пифагора, Платона, о которых я думаю, являются в моем воображении вовсе не такими, какими были эти люди при жизни? Как же они тогда являются? И чьи это образы? Аристотель учит, что поэта Орфея никогда не было, и орфическую песнь приписывают некому пифагорейцу Кекропсу¹⁰⁸. Но Орфей, т. е., как вам бы хотелось, его образ, часто возникает у меня в душе. (108) И почему образ одного и того же человека у меня один, а у тебя другой. Отчего возникают образы существ, которых никогда не было и быть не могло, например, Сциллы и Химеры? Отчего являются образы людей, мест, городов, которых мы никогда не видели? Отчего это, чуть только я захочу — и вот уж образ? Отчего они непрошенными приходят даже к спящему? Все это вздор, Веллей. Вы, право, навязываете образ не только нашим глазам, но и душе. Что за безответственная болтовня! И как дерзко утверждать это! (XXXIX, 109) Часто происходит перемещение текущих образов, так что многие образы сливаются для нас в один. Мне было бы стыдно признаться, что я этого не понимаю, если бы понимали вы сами, вы, которые это защищаете. Ведь чем ты докажешь, что образы несутся непрерывно? А если это действительно происходит беспрерывно, почему они вечны? «Это обеспечивается, — говоришь ты, — бесчисленностью атомов». Стало быть, это она делает богов вечными? Ты прибегаешь к закону равновесия (если ты не против, так мы переведем слово *ισονομία*). Согласно этому закону, раз существует смертная природа, должна существовать и бессмертная. Так мы выведем, пожалуй, что раз люди смертны, должны быть и бессмертные, и так как они обычно рождаются на земле, должны рождаться и в воде. — «И раз есть сила, которая губит, должна быть и сила, которая сохраняет». Конечно, должна. Но сохраняет она вещи, которые существуют. А я не думаю, что существуют ваши боги. (110) Однако каким образом возникает из атомных тел подобие вещей? Даже если атомы есть, — а их вовсе нет, — они, возможно, и могут сами приходиться в движение и взаимодействовать между собой путем столкновений, но создавать, формировать, окрашивать, вдохнуть жизнь они не могут. Итак, вы никак не получите бессмертного бога.

(XL) Рассмотрим теперь блаженство. Конечно, без добродетели оно никак невозможно, но добродетель действительна, ваш же бог ничего не делает; поэтому он лишен добродетели, значит, не блажен. (111) Да и какова его жизнь? Изобилие благ, говоришь ты, без всякой примеси зла. Однако каких благ? Конечно, наслаждений и, разумеется, касающихся тела, вы ведь не признаете, что есть какое-нибудь духовное наслаждение, если оно не исходит из тела и не возвращается к телу же. Я думаю, Веллей, что ты не похож на прочих эпикурейцев, они ведь не стыдятся некоторых высказываний Эпикура, в которых он свидетельствует, что не понимает

¹⁰⁷ Имеются в виду события 133 г. до н. э., ссор Тиберия Гракха с его коллегой Марком Октавием.

¹⁰⁸ Это место из Аристотеля не сохранилось. Климент и Суда также приписывают Кекропсу орфические песни «Нисхождение в Аид» и «Священные слова» (*Clem. Alex.*, Strom. I, 134; *Suid.*, s. v. *Orpheus*). Диоген говорит, что Кекропс жил во времена Гесиода и соперничал с ним (*Diog. Laert.*, II, 46).

блага, чуждого, изнеживающих и безнравственных удовольствий; их он, не краснея, перечисляет поименно. (112) Так какой же пищей ты наделишь богов, каким питьем, каким разнообразием звуков и цветов, какими прикосновениями, какие вознесешь к ним ароматы, чтобы преисполнить их наслаждениями? Ведь и поэты готовили им явства из амвросии и нектара, а виночерпиями давали Юность или Ганимеда; а что придумаешь ты, Эпикур? Я не вижу, откуда все это у твоего бога и как он ими пользуется. Итак, природа людей более приспособлена для блаженной жизни, чем природа богов; люди ведь наслаждаются гораздо большими видами удовольствий. (113) Но ты считаешь более легковесными наши наслаждения, а ведь, наслаждаясь, мы ощущаем как бы щекотку (это термин Эпикура)¹⁰⁹. И ты не шутишь? Наш Филон¹¹⁰ просто не мог понять, почему это вдруг эпикурейцы стали пренебрегать расслабляющими и изнеживающими удовольствиями. Обладая изумительной памятью, он декламировал многие изречения Эпикура в тех самых выражениях, в которых они были записаны. Что же касается Метродора, коллеги Эпикура по мудрости, то он зачитывал много еще более бесстыдных его высказываний. Метродор ведь порицает Тимократа¹¹¹, своего брата, ибо тот не посмел мерить все счастье жизни потребностями брюха. И Метродор говорил так не один раз, но очень часто. Я вижу, ты киваешь, тебе это известно, а то, если бы ты стал отрицать, я принес бы книги. Я не опровергаю сейчас все эти высказывания, относящиеся к наслаждениям (это ведь вопрос другой), но я доказываю, что ваши боги лишены наслаждений, а значит, по вашему мнению, неблаженны. (XLI, 114) Но они лишены страдания. Однако достаточно ли этого для пресловутой блаженной жизни, преисполненной блага? Бог, говорят они, беспрестанно представляет себе, что он блажен, ведь больше ему не о чем думать. Итак, ты только вообрази себе, только представь перед глазами бога, за всю вечность не подумавшего ничего другого, кроме как: «Мне хорошо» и «Я блажен». Не знаю, впрочем, как это ваш блаженный бог не боится, что он погибнет, раз его без всякого перерыва тревожат и волнуют вечные столкновения атомов и когда из него самого все время истекают образы. Итак, ваш бог не блажен и не вечен.

(115) И Эпикур даже написал книги о богопочитании, о благочестии по отношению к богам. Причем он говорит так, что, право, можно подумывать, что слышишь верховных понтификов Ти. Корункания¹¹² и П. Сцеволу¹¹³, а не человека, сокрушившего до основания всякое служение богам не силой рук, как Ксеркс, но низвергнув алтари и храмы бессмертных богов своим учением¹¹⁴. Да отчего же, в самом деле, ты утверждаешь, что люди должны заботиться о культе богов, когда боги не только не заботятся о людях, но вообще ни о чем не пекутся и ничего не делают. (116) Но у них какая-то исключительная и замечательная природа, и она сама по себе должна побудить мудреца преклониться перед ней. Но что же может быть замечательного в этой природе, если [боги] утопают в наслаждениях, никогда ничего не делали, не делают и не собираются ничего делать? Далее. Почему ты должен относиться с благоговением к существу, от которого ты сам ничего не получишь? И можно ли быть ему обязанным, раз оно ничем не заслужило этого? Ведь благочестие — это справедливость по отношению к богам; а какие могут быть у нас с ними правовые отноше-

¹⁰⁹ Выражение Эпикура *γαργαλισμός* или *γαργαλίζειν* (*Athen.*, XII, 546 E). Цицерон переводит это существительным *titillatio* или глаголом *titillare* (*Fin.* I, 11, 39; *Tusc.* III, 20, 47; *De off.* II, 18, 63; *Cat. Mai* 14, 4).

¹¹⁰ См. прим. 10.

¹¹¹ См. I, 33, 93 и прим. 100.

¹¹² Ти. Корунканий, консул 280 г. до н. э. Первый верховный понтифик из плебеев. Много сделал для изучения права.

¹¹³ П. Муций Сцевола, юрисконсульт, консул 133 г. до н. э., один из авторов законопроекта Тиберия Гракха.

¹¹⁴ Ксеркс во время своего похода в Грецию сжигал и разрушал храмы богов (*Herod.*, VIII, 109).

ния, когда ничто не связывает людей с богами? Богопочитание же — это осознание необходимости поклоняться богам; не понимаю, почему им нужно поклоняться, ведь никакого блага мы от них не получили, и нет даже надежды, что получим.

(XLII, 117) И зачем мы почитаем богов, восхищаясь их природой, в которой ничего превосходного не видим? И раз ты уничтожил все могущество богов, легко освободиться и от суеверного страха перед ними; а ведь вы постоянно этим хвастаете. Если только ты не считаешь, что Диагор¹¹⁵ или Феодор¹¹⁶ вообще могли быть суеверными. Я даже не считаю суеверным Протагора¹¹⁷, которому нельзя приписать ни того, ни другого мнения: он не признавал и не отрицал существования богов. Ведь все их учения не только уничтожают суеверия, которые состоят в пустом страхе перед величием богов, но и само служение богам, которое заключается в благочестивом культе богов. (118) Разве те, кто говорил, что представление о бессмертных богах выдуманно мудрыми людьми для блага государства, чтобы тех, кого разум не мог заставить исполнять долг, заставляло бы почтение к богам, так вот, разве они не уничтожили до основания религию? Да разве оставил что-нибудь от богопочитания Продик Хиосский, утверждавший, что все полезные для человеческой жизни вещи находятся в числе богов¹¹⁸. (119) А философы, по мнению которых, храбрые, знаменитые или могущественные люди причислены после смерти к богам, и они-то как раз и есть божества, которых мы чтим, которым молимся, перед кем благовоеем; разве эти люди не лишены всякого почтения перед богами? Особенно отстаивал эту точку зрения Евгемер. Наш Эний перевел Евгемера и был его горячим последователем. Евгемер писал и о смерти, и о погребении богов. Так как же: укреплял он почитание богов или совсем его уничтожил? Обхожу молчанием святой и величественный Элевсин, «где посвящаются в таинства племена из дальних краев». Не говорю и о Самофракии, ни о том месте, где находится «тайная святыня Лемноса, скрытая глубоко за оградой леса, куда приходят ночью для молитв». Когда все это разъяснят и подчинят разуму, мы познаем скорее природу вещей, чем богов¹¹⁹.

(XLIII, 120) Мне кажется, даже Демокрит, такой великий муж, водой из родников которого Эпикур поливал свои садики, был в сомнении в вопросе о природе богов. То он считает, что отделившиеся от божества образы проникают во вселенную, то именуется богами начала разума, находящиеся в этой же вселенной, а то одушевленные образы, обычно или вредящие нам, или приносящие пользу, то некие огромные образы, а также образы, которые обнимают снаружи весь мир¹²⁰. Все это скорее достойно родины Демокрита, чем его самого¹²¹. Ведь кто же может постичь умом эти образы? Кто может ими восхищаться? Счесть достойными поклонения или почитания? Эпикур же вырвал почтение перед богами с корнем из душ человеческих, так как отнял у бессмертных богов могущество и милосердие. По его словам, природа бога наилучшая и совершеннейшая, и в

¹¹⁵ См. прим. 4.

¹¹⁶ См. прим. 5.

¹¹⁷ См. I, 23, 63 и прим. 3.

¹¹⁸ «Продик... говорит: солнце, луну, реки, источники и вообще все полезное для нашей жизни древние именовали богами за пользу, получаемую от них... И поэтому хлеб был назван Деметрой, вино — Дионисом, вода — Посейдоном, огонь — Гефестом, и так все из того, что приносит пользу» (*Sext. Emp., adv. math. IX, 18*).

¹¹⁹ Что это за стихи — неизвестно. Элевсин знаменит своими мистериями, посвященными Деметре и Персефоне; на Самофракии и Лемносе сохранился древний культ Кабириов, сопровождавшийся мистериями (*Herod., II, 51; III, 57; Strabo, X, 472; Paus., IX, 25, 5—10*).

¹²⁰ Секст говорит, что, согласно Демокриту, огромные и необыкновенные, но не нетленные образы (εἴδωλα), приносящие то пользу, то вред, внушили людям мысли о божестве, имеющем такую же точно природу, но бессмертном (*Sext. Emp., adv. math. IX, 19*).

¹²¹ Родины, т. е. Абдер, считавшихся страной дураков.

то же время он отрицал, что у бога есть милосердие ¹²², т. е. уничтожил чувство, наиболее свойственное лучшей и совершеннейшей природе. Действительно, что лучше и совершенней доброты и милости? И раз вы лишаете бога этих качеств, значит вы хотите, чтобы богу не был дорог никто ни из богов, ни из людей, чтобы он никого не любил, никого не чтит. Выходит так, что боги пренебрегают не только людьми, но и богами, и в своем окружении презирают друг друга. (XLIV) Насколько лучше у стойков, которых вы порицаете! Они считают, что мудрецы друзья друг другу, даже если они незнакомы. Нет ведь ничего дороже добродетели, и кто достигнет ее, того мы будем чтить, к какому бы племени он ни принадлежал. (122) Вы же приписываете ей что-то дурное, раз услужливость и доброжелательность, по вашему мнению, свойственны слабости ¹²³! Я уже не говорю о могущественной природе богов, но неужели вы думаете, что даже люди, не будь они слабы, не творили бы добро и не были бы щедры на милости? Неужели нет никакой естественной привязанности между добрыми ¹²⁴? Нам дорого само слово амос «любовь», от которого произошло название *amicitia* ¹²⁵ «дружба», а если мы будем сводить ее к своей пользе, а не к благу того, кто нам дорог, это будет уже не дружба, а какая-то торговля для своей выгоды. Так дороги нам луга, пашни, скот, ведь мы получаем от них пользу, но любовь и дружба между людьми бескорыстна. Так насколько же более бескорыстна она у богов, которые, ни в чем не нуждаясь, любят друг друга и заботятся о людях. А если это не так, зачем же мы поклоняемся богам, зачем молимся им? Почему понтифики руководят священнодействиями, а авгуры ауспигиями? Что мы желаем от бессмертных богов? Чего хотим от них? И есть ведь даже книга Эпикура о богопочитании. (123) Нас дурачит человек не то чтобы остроумный, а просто развязный в своих писаниях. Какое может быть богопочитание, когда боги не заботятся о человеческой жизни? Какая одушевленная природа вообще ни о чем не заботится? Итак, безусловно, вернее утверждения нашего общего друга Посидония. В пятой книге «О природе богов» Эпикур, по его словам, считал, что никаких богов нет, а его рассуждения о бессмертных богах написаны были, чтоб избежать ненависти. Он не был настолько безумен, чтобы представлять себе бога похожим на человека, по крайней мере внешними очертаниями, с неплотным телом, наделенным всеми человеческими членами, но без всякого употребления, каким-то слабым и прозрачным [существом], которое никому ничего не дает, никому не помогает и вообще ни о чем не заботится, ничего не делает. Прежде всего, никакой такой природы вообще не может быть и, видя это, Эпикур на словах оставлял богов, на деле уничтожал. (124) Затем, если уж бог таков, что у него нет ни милосердия, ни любви к людям, скажем ему: «Прощай!». И зачем же мне говорить: «Смилуйся!»? Он ведь не может быть милостив ни к кому, раз, как вы говорите, и милость и любовь — проявление слабости.

II

(I, 1) — Ну не опрометчив ли я, — воскликнул Веллей, когда Котта кончил, — что попробовал тягаться с академиком, да еще с ритором! Право, я не боюсь ни косноязычного академика, ни ритора, пусть красно-речивого, но незнакомого с вашей философией. Меня не смутит ни поток пустых слов, ни изящество мыслей, если речь суха. Ты же, Котта, оказался силен и в том, и в другом, тебе бы только судей и венки ¹. Но об этом после. Теперь же послушаем Луцилия, если только он сам не против.

¹²² См. I, 17, 45.

¹²³ Ср. *De amic.* IX, 29—32.

¹²⁴ Ср. *De amic.* VIII, 26.

¹²⁵ Ср. *De amic.* VIII, 26.

¹ Как победителю в состязаниях.

(2) — Что до меня, — заметил Бальб, — я предпочел бы опять послушать Котту, пусть бы он с тем же красноречием, с которым он ниспроверг ложных богов, показал бы нам истинных. Ведь и философу, и понтифику, и Котте подобает не блуждать в сомнениях, рассуждая о бессмертных богах, как свойственно академикам, но иметь постоянный и твердый взгляд, как наши. Против Эпикура сказано вполне достаточно. Теперь я жажду услышать, что же думаешь ты сам, Котта.

— Да разве ты забыл, — возразил тот, — мои слова в начале разговора? Мне легче, да еще в таких вопросах, говорить о том, что я отрицаю, чем о том, что признаю. (3) Но даже имей я какое-нибудь определенное убеждение, я бы предпочел послушать теперь тебя, ведь сам я уже говорил очень много.

— Уступаю тебе и скажу, как можно короче, — начал Бальб, — ведь раз заблуждения Эпикура опровергнуты, моя речь будет избавлена от длинных рассуждений. Вообще-то наши разделяют весь вопрос о бессмертных богах на четыре части. Во-первых, они доказывают, что боги существуют, во-вторых, показывают, каковы они, в-третьих, утверждают, что боги управляют миром, в-четвертых, что они пекутся о делах человеческих. В нашей беседе мы рассмотрим первые два пункта; третий же и четвертый, мне кажется, лучше отложить до другого раза, так как разговор о них займет много времени.

Ни в коем случае, — воскликнул Котта, — ведь мы не заняты, а говорим о вещах, которые нужно ставить даже выше занятий.

(11, 4) На мой взгляд, — начал тогда Луцилий, — первый пункт вовсе не нуждается в доказательствах. Что может быть так ясно и очевидно, когда мы взираем на небо и созерцаем небесные явления, как существование некоего божества с совершеннейшим разумом, которое всем этим управляет? А если бы это было не так, как мог бы Энний, выражая общее мнение, сказать: «Взгляни на эту сияющую высь; ее люди называют Юпитером». Действительно, бога зовут и Юпитером, и владыкой вселенной и тем, кто одним кивком повелевает всем и, как говорит тот же Энний, «отцом богов и людей» и сильным и могущественным богом. Я просто не понимаю, почему тот, кто сомневается в его существовании, не сомневается так же, есть ли солнце или его нет. (5) Что может быть очевиднее? Если бы наш разум не понимал этого со всей ясностью, это убеждение не сохранялось бы с таким постоянством, не укреплялось бы с течением времени; ибо оно одно осталось нерушимым, хотя сменялись годы и поколения людей. Ведь мы видим, как со временем исчезли многие пустые и ложные мнения. Кто верит сейчас в существование гиппокентавра или химеры? И найдешь ли ты такую сумасшедшую старуху, которая боялась бы в царстве мертвых чудовищ, в которых когда-то верили все? Ведь время разрушает ложные представления и укрепляет мнения, основанные на указаниях природы. Поэтому и у нашего народа и у других культ богов и святость религии становятся со временем и могущественнее и совершеннее. (6) И это произошло не случайно и не вдруг, а потому, что боги часто появляются перед нами. Так, во время битвы с латинянами у Регильского озера, когда диктатор А. Постумий вступил в бой с Октавием Мамилием Тускуланским, в нашей войске видели Кастора и Поллукса, сражавшихся на конях². А совсем недавно те же Тиндариды возвестили, что Персей побежден. Когда П. Ватиний, дед знакомого нам молодого человека³, возвращался ночью в Рим из Реатинской префектуры, двое юношей на белых конях сказали ему, что в этот день захвачен царь Персей. Ватиний возвестил это сенату и сначала был заключен в тюрьму как распространи-

² Имеется в виду битва между римлянами и латинянами, происшедшая в 496 г. до н. э. О появлении в римском войске Диоскуров сообщает Дионисий Галикарнасский (Аг. VI, 13). Ливий об этом молчит.

³ То есть П. Ватиния, цезарианца, трибуна 59 г. до н. э., консула 47 г. Цицерон выступал против него с обвинениями в 56 г. до н. э. и защищал его в 54 г.

тель пустых слухов о делах государственных. Потом же были получены письма от Павла, который одержал победу в тот самый день; тогда Ватиний был освобожден и награжден полем⁴. И когда Локры наголову разбили кротонцев в большом сражении у реки Сагры, передают, что об этой битве услышали в тот же день на Олимпийских играх⁵. Часто слышны голоса Фавнов, часто видны образы божеств⁶, и это заставляет каждого, если только он не туп или не нечестив, признать, что боги близко. (III.7) А на что другое указывают предсказания и предчувствия будущих событий, как не на то, что это явлено, открыто, возвещено и предсказано людям? Поэтому все это называется явлениями, откровениями, возвещениями и предсказаниями⁷. Пусть мы признаем, что Мопс, Тиресий, Амфиарай, Калхант и Гелен созданы сказочным вымыслом (хотя даже сами сказки не признали бы их авгурами, если бы этих последних не существовало в действительности), но неужели мы не убедимся в могуществе богов, вразумленные домашними примерами? И неужели нас ничуть не смутит безрассудство П. Клавдия во время Первой Пунической войны; ведь когда куры, выпущенные из клетки, не клевали, он, издеваясь над богами, велел в намешку утопить их в воде, чтобы они пили, если не желают есть. Когда флот был разбит, этот смех принес много слез ему самому и большое бедствие римскому народу⁸. (8) А разве флот его коллеги Юния не был погублен бурей, так как он не подчинился ауспициям⁹? И вот Клавдий был осужден народом, а Юний сам лишил себя жизни. Целий¹⁰ пишет, что Г. Фламиний пал при Тразименах, нанеся тяжелую рану государству, так как пренебрег религией¹¹. Их конец позволяет понять, что государство возвеличено властью людей, послушных религии. И если мы захотим сравнить себя с иноземцами, то увидим, что в других отношениях мы им равны и даже ниже их, в религии же, т. е. в культе богов, много выше. (9) И неужели мы должны презирать знаменитый жезл Атта Навия, которым он разделил виноградник на участки, чтобы найти свинью¹². Я бы поверил этому, даже если бы царь Гостилий¹³ и не вел величайшие войны согласно с его предсказаниями. Но учение о предсказаниях оставлено из-за пренебрежения знати; над истинностью ауспиций смеются, от них осталась одна видимость. Итак, важнейшие виды государственной деятельности, от которых зависит благополучие государства, в том числе ведение войны, не управляются никакими ауспициями. Не оста-

⁴ Цицерон говорит о битве при Пидне. Римским войском командовал Л. Эмилий Павел. О чудесах, случившихся после нее, см. *Plut.*, Paul. 24; *Liv.*, XLV, 1.

⁵ Имеется в виду битва, произошедшая около 530 г. до н. э. у реки Сагры, разделившей владения кротонцев и локров. Окончилась поражением кротонцев. У Плутарха чудо, произошедшее у Сагры, также сопоставлено с чудесными известиями о победе при Пидне (*Plut.*, Paul. 25).

⁶ Ср. *Lucr.*, IV, 580—585.

⁷ По-видимому, все это — технические термины, применявшиеся в практике гаданий.

⁸ Консул П. Клавдий Пульхр в 249 г. до н. э. у Дрепан потерпел поражение от пунического военачальника Адгербала.

⁹ Л. Юний Пулл — коллега Клавдия по консульству. В 249 г. до н. э. его флот был разбит бурей у мыса Пахия (*Polyb.*, I, 54, 3—8).

¹⁰ То есть историк Целий Антипатр.

¹¹ Г. Фламиний уехал к войскам, но совершив ауспиций и не справив латинских празднеств (*Liv.*, XXI, 63). Перед самым боем консула преследовали другие знамения, на которые он, однако, не обратил внимания (*ibid.*, XXI, 3).

¹² Атт Навий — великий авгур (*Liv.*, I, 36). История со свиньей изложена здесь неточно. В другом месте Цицерон рассказывает ее так: Атт Навий пас стадо свиней. Одна из них пропала. Тогда авгур дал обет, что если он найдет ее, то отдаст богам лучший куст винограда в винограднике. Найдя свинью, он разделил жезлом виноградник на четыре части, три он отверг из-за неблагоприятных предзнаменований. В четвертой, оставшейся, он нашел поразительных размеров куст винограда (*Cic.*, *De div.* 1, 17, 31).

¹³ В тексте ошибка. Атт Навий был современником не Тула Гостилия, а Тарквиния Древнего. Как видно из трактатов «О предвидении» и «О государстве», Цицерон это хорошо знал (*De div.* I, 17, 31; *De re publ.* II, 20, 36).

лось ни ауспиций, относящихся к переправе¹⁴, ни ауспиций «по копьям»¹⁵ или «когда призваны мужи»; от этого и пропали устные завещания¹⁶.

Ведь наши вожди начинали войну, лишь произведя ауспиции. (10) И действительно, религия была настолько могущественна у наших предков, что некоторые императоры, закрыв голову, произнося определенные слова, даже обрекали себя самих в жертву бессмертным богам за государство¹⁷. Я могу напомнить много пророчеств Сивиллы, много ответов гаруспиков, которые подтверждают то, что и не должно ни у кого вызывать сомнения. (IV) В консульство П. Сципиона и Г. Фигула истинность науки наших авгуров и этрусских гаруспиков была доказана на деле. Когда Ти. Гракх¹⁸, бывший вторично консулом, избирал консулов, то первый рогатор, назвав их имя, тут же внезапно умер¹⁹. Гракх, завершив, несмотря на это, комиции, подумал, что это связано с религией нашего народа, и сделал доклад в сенате. Сенат решил обратиться к тем, к кому и всегда обращались. Введенные в сенат гаруспики ответили, что магистрат, проводивший выборы, действовал незаконно. (11) Тогда Гракх, как я слышал от отца, вспыхнув от гнева, воскликнул: «То есть как? Я действовал незаконно? Я, консул и авгур? Ведь выборы я провел после ауспиций! И какое имеете право вы, туски и варвары, вмешиваться в ауспиции римского народа и судить о комициях?». И велел их вывести. Впоследствии же он прислал письмо из провинции в коллегию. Читая книги, писал Гракх, он понял, что допустил ошибку. Действительно, он разбил палатку в садах Сципиона, но затем перешел за черту померия, чтобы собрать сенат. Вернувшись, он забыл совершить ауспиции, хотя снова пересек померий. Таким образом, консулы были избраны незаконно²⁰. Но тут авгуры — в сенат, сенат — к консулам, чтобы те сложили свои полномочия, те слагают. Каких же нам искать более значительных примеров? Мудрейший и, возможно, самый великий муж, предпочитает

¹⁴ *Peremnia* — ауспиции, совершаемые при переходе через реку.

¹⁵ *Auspicia ex acuminibus* — ауспиции, совершаемые на поле боя (*Cic.*, *De div.* II, 36, 77). Перевод условный. Вероятнее всего, это — гадание по сверканью наконецников копий при свете пламени, но не исключено, что это — гадание по пиковидному пламени жертвенного огня или даже по клювам жертвенных птиц во время еды (см. прим. 8).

¹⁶ Имеется в виду следующий обычай. Перед боем, когда солдаты уже построились, военачальник совершал ауспиции. Солдаты использовали это время на то, чтобы в устной форме сообщить соседям свою последнюю волю, это называлось *testamentum ex proscinctu* и не требовало никаких записей, никаких дальнейших формальностей (*sine tabulis*) (*Gell.* XV, 27, 3; *Sabid. Schol. Veron. ad Verg. Aen.* X, 244; *De or.* I, 53, 228).

¹⁷ Цицерон говорит о П. Деции Мусе — отце (консуле 340 г. до н. э.) и П. Деции Мусе — сыне (консуле 297 г.) (*Liv.*, VIII, 6 sq.; X, 24 sq.).

¹⁸ Ти. Гракх, отец знаменитых трибунов, консул 177 и 163 гг., цензор 169 г. до н. э.

¹⁹ События, о которых идет речь, произошли в 163 г. до н. э. Как консул, Ти. Гракх проводил комиции для выборов консулов будущего года. Перед выборами он должен был совершать ауспиции за померием, т. е. за чертой города Рима, чтобы узнать, угодны ли богам предлагаемые кандидаты. Созвав комиции, консул, прежде чем приступить к голосованию, спрашивал, каких кандидатов предлагает первая центурия. От имени первой центурии кандидатов называл «первый рогатор».

²⁰ В чем состояла ошибка Ти. Гракха, объясняет Плутарх: «Тиберий Семпроний... будучи консулом, назвал своими преемниками Сципиона Назику и Гая Марция, и те, приняв командование войском, уже прибыли в свои провинции, как вдруг Тиберий, просматривая священные книги, случайно открыл старинный обычай, прежде ему неизвестный. Обычай этот состоял в следующем. Если должностное лицо наблюдает за полетом птиц в специально для этого нанятом за пределами города доме или шатре и, не получив надежных знамений, вынуждено по какой-либо причине вернуться в город, надлежит отказаться от нанятого прежде помещения, выбрать другое и провозвести наблюдения еще раз с самого начала. Тиберий, как видно, об этом не знал и объявил упомянутых выше Сципиона и Марция консулами, дважды воспользовавшись одним и тем же шатром» (*Plut.*, *Marc.* V) (перевод в изд.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания.* Т. I. М., 1961). Письмо свое Тиберий прислал в коллегию авгуров, членом которой состоял. О том же событии см. *Plut.*, *Marc.* V; *Cic.*, *De div.* II, 35, 74—75.

лучше признаться в своей ошибке, хотя и мог ее скрыть, чем поколебать религию в государстве. А консулы предпочитают лучше немедленно отказать от высшей власти, чем удерживать ее хотя бы на мгновение вопреки предписаниям религии. (12) Велик авторитет авгуров. Но разве не божественно искусство гаруспиков? И неужели эти примеры и бесчисленное множество подобных же случаев не заставят признать существование богов каждого, кто все это созерцает? Если у кого-то есть толкователи, значит должен существовать и этот кто-то. Толкователи богов существуют, поэтому мы должны признать, что существуют и боги. Однако, говорят, не все предсказания сбываются. Но разве нет никакого искусства медицины, если не все больные выздоравливают? Признаки будущего раскрываются богами. И если тут происходит ошибка, виновата не природа богов, а толкование людей. У всех народов сохраняется суть: сознание того, что боги существуют, врожденно и как бы врезано в душу. (V.13) Каковы они — мнения расходятся, что они есть — никто не отрицает. Наш Клеанф²¹ говорил о четырех причинах, формирующих в человеческих душах понятие о боге. Во-первых, предчувствие будущего, о котором я только что говорил. Во-вторых, большая польза, которую мы получаем из-за умеренности климата, плодородия земли и других природных богатств. (14) В-третьих, трепет, который мы испытываем перед молниями, грозами, бурями, снегопадом, градом, опустошением, чумой, землетрясением, частым подземным гулом, каменным ливнем и дождем с как бы кровавыми каплями или обвалами и внезапно разверзающимися пропастями, или чудищами ни человеческой, ни звериной природы, или видимыми иногда небесными огнями, или теми звездами, которые греки называют кометами, а мы — длиннокудрыми (они недавно, в Октавиеву войну, были предвестниками величайших несчастий)²². Иногда же видны два солнца; это, как я слышал от отца, случилось в консульство Тудитана и Аквилы. В этот же год угасло и другое солнце — П. Африканский²³. Устрашенные всем этим люди начинают догадываться, что есть некая небесная и божественная сила. (15) В-четвертых, и это, наверное, самое главное — равномерность круговращения неба, разнообразие, красота и порядок движения солнца, луны и всех звезд. Один взгляд на них достаточно показывает, что это не случайно. Так, если кто-либо придет в частный дом или гимнасий, или на Форум, то, увидев во всем расчет, соразмерность и порядок, он не подумает, что все это возникло само; нет, решит он, есть некто, кто главенствует над этим и кому все подчиняется. Когда же мы сталкиваемся с такой последовательностью движения, которая ни разу не нарушалась за все это неизмеримое, бесконечное время, с таким порядком в величайших творениях природы, гораздо больше оснований заключить, что этими великими движениями природы руководит некий разум²⁴.

²¹ Имеется в виду Клеанф из Ассоса Троадского, ученик Зенона Китийского, один из основателей Древней Стои.

²² По-латыни кометы называются *stellae cincinnates*. Имеется в виду событие 87 г. до н. э., когда произошло вооруженное столкновение между консулами Цинной и Гн. Октавием, окончившееся гибелью последнего.

²³ Цицерон говорит о смерти П. Корнелия Сципиона Африканского Младшего (129 г. до н. э.). Перед этим зимой на небе было видно два солнца (*De re publ.* I, 10, 15—19, 31).

²⁴ Сходные, но не тождественные рассуждения Клеанфа приводит Секст (*Sext. Emp., Adv. math.* IX, 88—91).